

Вампилов так и знал, что жизнь беспощадна

Только что в Иркутске отметили шестидесятилетие Александра Вампилова. Москва этой даты просто не заметила, празднуя более престижные юбилеи: с президентскими телеграммами, а то и с личным присутствием плюс раздача орденов и авто. Но Иркутск – дело другое. Не новость, что в провинции лучше сохранилось умение ценить вещи по их настоящей стоимости.

О том, до чего неважно с этим в столицах, сказалось как бы специально приуроченное к вампиловским дням интервью модного автора, который когда-то сам был небезызвестным драматургом, но предпочел заняться изготовлением телевизионных мыльных опер с историческими сюжетами. И вот он недоумевает: что такого особенного в «Утиной охоте»? – надменная пьеса с изрядной долей тривиальности. Превосходная характеристика, только не для Вампилова, а для сочинений самого этого автора, похоже, читавшего роман Уэллса, где доказывается, что лучшая защита от уличивших тебя в людоедстве – назвать людоедами их самих.

Иркутяне, не смутившись авторитетностью суждений, принадлежащих аж самому Э. Радзинскому, все-таки откликнулись на подоспевшую дату: наперекор вечному безденежью провели театральный фестиваль и выпустили несколько книжек. Всем этим занимался Вампиловский фонд, имеющий статус областного, т.е. крайне ограниченный в своих возможностях. И все равно исполняющий свое назначение с твердой верой, что Вампилов принадлежит русской культуре и останется в ней, как бы ни менялись ориентиры.

Поэтому и важно опубликовать все оставшееся в старом чемодане с вариантами пьес, записными книжками, письмами друзей, рассказами, часть которых за подписью А. Санин печаталась в годы, когда Вампилов начинал сотрудником иркутской «Молодежки». И еще – собрать рассказы тех, кто с ним общался, восстановив по этим свидетельствам всю его жизнь, оборвавшуюся в самый канун запоздалого признания.

В августе была другая дата, четверть века с того злосчастного дня, когда он погиб, не доплыв несколько метров до берега. Актриса Е. Мазуренко вспоминает: Театр им. Охлопкова был на гастролях в Саратове, шло «Прощание в июне», сотый спектакль, на который, некоторые надеялись, придет автор. Играли, уже зная о случившемся. По окончании один из актеров, остановив аплодисменты, прочел телеграмму о трагедии на Байкале.

Осенью того же года состоялись первые вампиловские премьеры в столицах: у Евг. Падве на Литейном, у В. Андреева в Ермоловском. Видевшие эти спектакли наверняка сохранили в памяти ощущение странности происходящего на сцене. Почти водевиль, и даже с привкусом фарса. Но ведь и драматический трав-

мирующий подтекст, который театр честно старается и никак не может воплотить в органичные образы.

Он и сегодня бьется над этой задачей, хотя было уже множество постановок. Знаменитых, как «Чулимск» в БДТ и «Провинциальные анекдоты» в «Современнике», или мало кем замеченных, но заслуживавших серьезного разговора, как «Старший сын» в театре Ю. Погребничко. Иной раз запомнившихся лишь актерской удачей, зато настоящей, как работа А. Петренко во МХАТовской «Утиной охоте» или Олега Даля в малоудачной телеверсии этой же пьесы.

Вампилов, конечно, не разгадан по сей день, и мнения о нем, составившие маленькую антологию («Венок Вампилову», лучшее из юбилейных иркутских изданий), больше всего поражают своей несовместимостью. Давно гуляет фраза о восторженном непонимании как доминанте всей вампиловской критики, и подтверждения появляются одно за другим. И будут появляться, пока ту же «Утиную охоту» понимают чуть не как сатиру в духе Щедрина или, наоборот, умиляются перерождению, будто бы свершившемуся с ее героем на грани самоубийства. Пока ее читают так, словно она укладывается в привычные

Сблизая газету -
- 1994 - 16-22
ОКТ. - 0.10

каноны, и значит, дает повод посудачить о герое как о сбившемся с панталыку знакомом, который, впрочем, еще может начать новую жизнь.

К юбилею пьесы издана с приложением режиссерских и критических отзывов о ней, сходящихся только в том, что она, в сущности, никем еще не прочитана. Как заметил В. Розов, театр теряет перед этой драматургией: чувствует, что в ней «есть лед и пламень», но предпочитает играть среднее – воду. «Хорошо еще, если горячую воду».

В несложившейся прижизненной судьбе Вампилова как театрального писателя принято винить систему, цензуру, чиновников, кого угодно, только не театр, который так и не сумел найти к нему ключа. Цензура, конечно, сделала свое дело, долгие годы вытесняя Вампилова на любительскую сцену (сборник откликов на постановки его пьес в непрофессиональных театрах Братска, Ангарска, Усть-Илимска содержит очень любопытные материалы о том, какими ухищрениями удавалось лет двадцать назад обходить сверхбдительное око). Но все-таки прав Олег Ефремов, констатируя, что препятствием на пути Вампилова к зрителю становились «и стереотипно устроенные наши собственные мозги». Вот отчего неуютно чувствовали себя даже опытные режиссеры, сталкиваясь с этой слишком непривычной оптикой, с этим особым «ощущением художественности», которая, цитируя Г.А. Товстоногова, поразительным образом соединяет быт и сказочность, поэзию и реализм, гротеск и органику характеров.

На сцене, на экране это соединение не получалось, и чаще всего был просто водевиль с типажам, словно выхваченными из толпы на автобусной остановке. Или, наоборот, нагнетали чувство, срываясь в мелодраму, которая Вампилову абсолютно противопоказана. Он, видимо, вообще был человеком, не склонным ни умиляться, ни утешать. Судя по воспоминаниям друзей, он обладал не по годам выношенным представлением о жизни, знал, какой она бывает беспощадной. Но знал и другое: «Поэзия есть и остается только на земле». Так записано в одном его блокноте чуть ли не студенческого времени.

Таким записям невольно доверяешь больше, чем мемуарам. Пишущим едва ли по силам преодолеть искушение, о котором сказал в стихах памяти Вампилова Анатолий Преловский: «Попробуешь забыть о гибели слепой» – хотя и с пониманием, что она «ходит по следам, смыкая круг за кругом». Искушению поддались практически все вспоминающие, и кто же их за это осудит: годы проходят, а чувство ужасающей несправедливости, которая ему была уготована, все такое же сильное. В России надо жить долго, а он не прожил и тридцати пяти лет.

Алексей ЗВЕРЕВ